монгольских варваров, ожидают монументов нашей благодарности на месте, обагренном их кровию. Может ли искусство и мрамор найти для себя лучшее употребление?» — спрашивает Карамзин, разграничивая таким образом задачи живописи и скульптуры (7, 338).

На долю живописи падает изображение «трогательного», «чувствительного», «меланхолического» — всего того, что мог изображать счастливый Карла, герой сказки Карамзина: «...героев древности или совершенство красоты женской, или кристальные ручейки, осеняемые высокими ивами и призывающие к сладкой дремоте утомленного пастуха с пастушкой» (6, 58). Человеческому страданию, выходящему за пределы семейной драмы или греха и раскаяния, Карамзин не находит места в живописи, равно как и картинам батального жанра и другим, связанным с изображением масс. Углубленная психологическая характеристика, замкнутая в узком круге строго определенных чувств, — вот на что он ориентирует художников.

Подбирая сюжеты картин из национальной истории, Карамзин пытался расширить пределы искусства и все-таки ушел недалеко за пределы привычных представлений. Предпочитая красивый вымысел действительности, он останавливается на поэтичных, но не играющих роли в истории лицах (Рогнеда, Анна), на преданиях, которые в «Истории» назовет недостоверными (смерть Олега, основание Москвы). Даже обращаясь к сильным характерам, он предложит изобразить их в придуманные им самим трогательные моменты (сговор Ольги, Ярослав в момент отъезда

Анны) и т. п.

А самому Карамэину уже тесно в рамках «украшения природы». Говоря, что Наполеон умертвил «чудовище революции», он понимает, что еще далеко не все кончено, и не верит теперь, что тень гильотины можно отстранить проповедью добра и красоты. Отказываясь от «метафизического» звания космополита, он вмешивается в жизнь как русский дворянин, издает журнал, насквозь проникнутый политикой, пытается опровергнуть идеи французского и русского Просвещения, идеи Радищева, осуждает «ошибки царского благодушия», славит священные права российского благородства, доказывает благодетельность крепостничества. Но и «по-дедовски жить нельзя».

Все это должно было привести к пересмотру взгляда на общественную функцию искусства и литературы. Сделав некоторые шаги в этом направлении, Карамзин не стал на позиции Шишкова, не повел писателей по пути, который считал ранее унижением искусства. Рупором своих политических идей он делает историю. При ее помощи он хочет научить правителей способам обуздывать «мятежные страсти», которые «искони волновали гражданское общество», и править так, чтобы даровать людям возможное на земле счастье. Подданных история должна мирить